

Разбивание зеркала

"Обычно, для поддержания своего внешнего вида в порядке, бывает достаточно ухаживать за собой смотря в зеркало. Это важно. Внешность большинства людей невзрачна, потому что они не достаточно хорошо смотрят в зеркало."

Хагакурэ

Январь

Зеркала. Зеркала есть в Японии повсюду. Мальчики, так же как и девочки, носят всюду с собой карманные зеркальца, чтобы убедиться лишний раз, что на лице не растёт неприглядный прыщ. Торговые центры здесь зазеркаленные анклавы, чтобы не задерживать вас и других когда вы спешите. Одна стена додзё была полностью в зеркалах, как в балетной школе, и Малыш Ник никогда не оставлял привычки поглядывать на себя во время исполнения техник, чтобы видеть то, как он смотрится. Даже лысый и выдержанный Сато поглядывал одним глазом на зеркало во время обучения, показывая непредвиденную самовлюбленность. Наоко, моя недисциплинированная ученица, всегда носила зеркало и однажды я вынужден был реквизирировать его потому, как она пускала солнечных зайчиков мне в глаза.

Ноака сэнсэй застала меня в учительской. Она прошептала заговорчески, что есть некоторые новости. Я прошёл с ней до того места, где хранился зелёный чай и, под прикрытием приготовления чая, она поведала мне следующую историю.

"Паршивая овца" была опозорена," сказала она. Она назвала Наоко "паршивой овцой" по английски. Ноака сэнсэй владела внушительным багажом английских идиом и очень любила использовать их при мне.

"Как?" спросил я.

Ноака оглянулась вокруг, чтобы убедиться что никто не может подслушать нас в комнате.

"Медсестра сказала мне. Девочка была опозорена. Она пошла к медсестре, потому что она была слишком испугана, чтобы идти к ее семейному доктору."

"Почему?" спросил я, начиная получать более менее ясную картину.

"Она была неразборчива в связях. "Паршивая овца" повержена."

"Она подцепила венерическую болезнь?" спросил я. Хотя я воспользовался словом обозначающим сифилис, байдокку, которое единственное соответствовало из тех что я мог подобрать.

"Как? Вы знаете это слово?" спросила Ноака сэнсэй, с нескрываемым интересом и небольшим осуждением.

"Словарь," сказал я. "Но я подразумевал не сифилис, но похожее на сифилис."

"Так, так, так," закивала она энергично.

"Несчастливая девочка," сказал я.

Ноака сэнсэй мрачно улыбнулась.

"Паршивая овца опозорила себя. Но это секрет."

Я старался быть более внимательным к Наоко после того, как узнал эту новость. Она была более спокойна, чем прежде и, как я заметил, у нее не было теперь вездесущего зеркала, которое лежало на столе каждый раз.

Кагами Бираки, разбивание зеркала, было традиционной церемонией, проводимой в начале каждого года когда возобновлялись тренировки в додзё. Съедалась традиционная новогодняя пища, сладкий бобовый суп с плавающим в нем клейким рисовым пирожным, и учителя выступали с показательными выступлениями. В этом году, в связи со смертью Канчо сэнсэй, демонстрация имела гораздо большее значение, чем обычно. Старые спонсоры, которые были лично знакомы с Канчо, теперь имели законное основание для прекращения финансирования додзё. Все они должны были присутствовать на церемонии открытия и чувствовалось, что необходим хороший показ, чтобы убедить их, что деньги будут потрачены с толком.

В предыдущее года японские учителя иногда выбирали иностранных партнеров для демонстрации, но в этом году только японские айкидока принимали в ней участие. Некоторые из спонсоров имели правые взгляды и это должно было ублажить их.

Существует традиционное объяснение относительно того, почему церемония известна как "разбивание зеркала", но я предпочитаю тайное, выдвинутое Кристофом, одиноким французом, который жил в течении многих лет в монастыре Дзэн. Когда он учился в додзё, он посещал шесть или семь регулярных занятий в день. Он загадочно исчезал на несколько недель, а потом снова появлялся в додзё. На сей раз он отсутствовал в течении почти шести месяцев. Я думал, что он исчез навсегда, но в Новый год он внезапно появился снова, улыбочивый и бодрый, выпячивая весело свою грудь.

Он говорил, зеркало содержит старый образ, поскольку мы смотрим в зеркало старыми глазами, ища необходимое сходство, поскольку помним своё непосредственное изображение. Наше сознание вынуждает нас объединять то изображение, которое видим, с прошлыми изображениями, создавая ложную непрерывность. Но мы новы каждое мгновение. Каждый миг мы можем сломать старый образец, который является только умственной конструкцией, и создать что-то новое. Каждая клетка вашего тела, говорил Кристоф, отличается от клеток, которые были частью вас шесть месяцев назад. Это аналогия. В действительности мы пойманы в ловушку, желая быть такими же как и наша ложная личина, которую мы используем для жизни и называем "Я". Но это заблуждение. Вы знаете кто вы есть на самом деле? Разбейте зеркало и узнайте. Отделите себя от прошлого, непрерывного я, и почувствуйте вечное настоящее. Это значение Кагами Бираки - шанс бросить взгляд на действительность, которую мы скрываем привычно, живя день ото дня.

Зеркало в додзё было огромно и стоило более 15 000 \$. Прикасаюсь к нему во время обучения было одним из серьезных нарушений этикета. Каждый день его полировали до безупречного вида шестеро сэншусей, Малыш Ник делал это дольше, чем кто либо другой в его секции. На церемонии, конечно, фактически не было разбито ни одно зеркало.

Мы наблюдали японских учителей, тренирующихся для выступлений. Самый молодой учи-деши, Йоджи, резиновый человек, был в паре с младшим Шиода. Никто не завидовал ему, но если кто и мог избежать травм из-за зверской скорости Шиода, то это был Йоджи.

В ночь перед демонстрацией я покинул додзё поздно. Еще будучи внутри из тренировочного зала я услышал повторяющиеся хлопки чьих-то страховок. Я заглянул в дверь и увидел Йоджи в темноте мрака, он страховался и страховался, ударяясь о мат и подпрыгивая со сдержанной изящностью, и страховался снова. Я тихо закрыл дверь, оставив эту самоотверженную практику. Звуки страховки проникали наружу из окон додзё, доносясь до меня пока я отмыкал свой велосипед и устанавливал свет, чтобы поехать домой.

Перед церемонией сэншусей были выделены для того, чтобы сделать триста чашек сладкого бобового супа. Кухня додзё была набита битком японцами и иностранцами, которые рвали открывая пластиковые пакеты рисовых пирожных и вываливали их в пузатые супницы с кипящей водой. Даже Чино помог, открыв несколько пакетов изящными и точными движениями, при помощи ножниц. Перерыв назначили таким образом, чтобы мы могли быть свидетелями показательных выступлений, которые должны были пройти перед приемом пищи.

В додзё было полно людей: студенты всех возрастов, доброжелателей, семей студентов и матерей детей, которые обучались в детских группах днем. Спонсоры, серьезные пожилые японцы в одинаково темных костюмах, сидели в линию на заранее приготовленных сиденьях. Остальные сидели позади либо стояли, так как свободных мест больше не было.

После речи и продолжительного поклона демонстрация началась. С самого начала стало очевидным, что учителя очень старались. Даже Андо сильно бросил Сато, обычно такого спокойного и сдержанного, наткнувшегося на путаницу сбившимся дыханием к концу его молниеносного дзю вадза. Поскольку каждый учитель должен был выступать, показ был более жестким и плотным. Без сомнения они старались отчаянно произвести впечатление на стариков, которые сидели спокойно в их костюмах не произнося ни слова. Шиода младший "рубил", "резал" и швырял Йоджи, что выглядело весьма достоверно, чтобы кончиться в конце концов несчастным случаем. Но Йоджи, всегда улыбочивый и столь же быстрый как и Андо, вставал, чтобы атаковать снова и снова, не обращая внимания на всю серьезность бросков. Шиода считали отправной точкой жестокости. Его демонстрация прошла без травм. Конечно обстоятельства теперь могли выровнять только выступления Накано и Чиды.

Кикучи атаковал Накано с самоотверженным ударом и был брошен а затем пригвожден к мату. В этом положении Кикучи не мог пошевелиться. Он лежал лицом вниз на мате с одной рукой поднятой вверх за спину. Накано присел у головы Кикучи и взял в замок эту руку. С ужасающей стремительностью он перенес всю массу своего тела на его руку, чтобы сжать замок. Раздался громкий "треск", который был слышен во всем додзё. Рука Кикучи была сломана. Чида вздрогнул от этого бессмысленного зверства, позволив каждому видеть, что он был рассержен.

Кикучи был беззащитен. Он предоставил свою руку старшему учителю для того, чтобы тот мог продемонстрировать как обездвигить человека в безопасной манере. Учитель, причудливо подстриженный Накано, не оправдал его доверия, поломав его руку как какую-нибудь сухую деревяшку. Кикучи резко дернулся к его ногам и только потом закричал от боли. Накано и учи-деши оттащили Кикучи к боковой линии. Последовало некоторое обсуждение по поводу того, что должен ли продолжаться показ. Голос одного из мрачнолицых спонсоров потребовал чтобы показ продолжался.

Чида выполнил несколько легких движений с Ито, его двойником, без какого-либо чрезмерного насилия. Демонстрация была закончена.

Я чувствовал болезненное отвращение от того, что я видел. Причиной этого было лишь одно обстоятельство - травмировать кого-то в течении публичной серии дзю вадза. Это было весьма похоже на каприз, сделать замок столь жестко, на том, кто не имел возможности сопротивляться, граница с переломом его конечности в трех местах. На следующий день подтвердилось, что конечность имела многочисленный перелом и должна была быть зафиксирована.

Накано был экспертом. Он занимался с Кикучи много раз до этого. Существовало два объяснения такого поведения. Позитивное объяснение заключалось в том, что все были столь расшевелены для показа, что Накано, стараясь показать Ёшинкан как жесткое искусство, просто зашел слишком далеко. Негативное объяснение состояло в том, что он был недоволен Кикучи и хотел преподать ему урок, который тот не забыл бы в спешке. Я был свидетелем того, как Шиода стирал в порошок Кикучи, и это, вкупе с предыдущим нокаутом от Накано, сводилось, возможно, к попытке вынудить Кикучи оставить додзё. Йоджи был лучше него в айкидо и моложе, возможно это ощущение Кикучи должно было вынудить оставить его положение для более молодого человека. Но отвращение Чида не было фальшиво. Он был главой додзё, и нет ни единого способа, которым он одобрил бы такую жестокость, лишь для того, чтобы заставить кого-то уйти.

Когда мы, сэншусей, управлялись с круглыми бокалами, заполняя их пивом для гостей, расположившихся на полу додзё, я увидел Накано, который расположился рядом с его соблазнительной женой. Вилл сказал: "Один взгляд на его прическу и его жену говорит вам, что Накано любит себя." Эта скотина хлестала пиво и весело смеялась, прекрасно зная, что Кикучи был отправлен в больницу. Один из гостей снял на видео весь инцидент. Накано прошел к нему и проверил свои действия в фильме. Чино также проявил огромный интерес к инциденту и продолжал требовать перемотать, чтобы просмотреть вновь.

Пол был защитником учителей: "Такие вещи случаются. Проблема кроется в том, что кости японцев более тонкие чем наши и ломаются гораздо более легче." Все остальные были против Накано. Даже Мастард прокомментировал: "Это было жалким, весьма жалким. И не необходимым, не необходимым вообще."

Теперь у нас были черные пояса - жесткий, нестигаемый хлопок или шелк, если вы были одурачены "специальным" предложением Ага, который в конечном счете брал на тридцать долларов больше, чем он запросил вначале. Итак, с какой стати я все еще находился там? Это казалось безумием, вернуться еще на два месяца в ад, но все до единого сделали это. Не было достаточным только получить черный пояс, вы так же должны были иметь свидетельство об окончании полного курса. И наши свидетельства были последними, из когда либо подписанных Канчо, что было известно по слухам от Мальша Ника. "Как он управляет этим?" спросил Вилл. "Из могилы?"

Мальш Ник сообщил, что Канчо подписал массу свидетельств перед смертью, это было похоже на то, как Сальвадор Дали ставил автограф на чистые холсты.

Несколько дней спустя возобновились жесткие кангейко, ранние утренние тяжелые зимние тренировки. Мы вставали в пять утра, чтобы быть в додзё в шесть тридцать. Тренировка начиналась в семь утра, с открытыми окнами, что продолжалось в течении самых холодных десяти дней года. За те десять дней непрерывных тренировок был пройден весь базовый учебный план айкидо Ёшинкан.

Это вынуждало учителя демонстрировать технику дважды, затем все делали эту технику в течении нескольких минут перед тем, как углубиться в изучение следующей техники.

Накано заметно отсутствовал в списке учителей. Он был очевидно в немилости. Слишком много людей, включая родителей детей обучающихся айкидо, видели его чрезмерную силу. Неудивительно, что на утренних ежедневных часовых занятиях присутствовало всего двое или трое ребят, тогда как в прошлом году насчитывалось десять или двенадцать юнцов.

Сэншусей, как ожидалось, должны были теперь предоставлять себя как укэ, демонстрирующим технику учителям. Мы должны были бежать и предлагать себя в качестве укэ, чтобы нам оказали честь, быть брошенными.

Инцидент с Накано встряхнул меня. Я не собирался жертвовать собой так, чтобы какой-то громила мог похвастаться своими навыками. С другой стороны, я вычислил это как реакцию на инцидент, каждый должен был двигаться мягко со своим укэ. И, хотя это было ненавистным соображением, быть партнером по демонстрации давало определенную полезную возможность подлизаться.

Моя дилемма решилась, когда Оямада выбрал меня для демонстрации техники. Я все еще нервничал, когда работал в паре с учителем, и это возбуждение не позволило ему довести начатое до конца, потому как я напрягался и двигался с большей, чем обычно нехваткой изящества. Бен назвал это "атакой игуаны". Но я был укэ старшего учителя, хотя Оямада был в самом низу списка старших преподавателей, и все же я чувствовал себя столь же гордым как школьник, отобранный для руководства школьной спортивной командой.

Теперь мы вернулись к регулярным тренировкам, готовясь к заключительному тесту и к получению окончательной награды – свидетельства о завершении полного курса. Стефан Отто говорил: "Последние шесть недель, мужики, были для меня самыми трудными, в психологическом плане самыми трудными."

На следующий день после того как кангейко окончились, Мастард заставил нас тренироваться в хаджимэ. Серии хаджимэ Мастарда всегда плохо были рассчитаны. Он заставил нас пройти такую серию перед тестом на черный пояс, что только привело к общей усталости, а не к боевому настрою, который он ожидал. Эта новогодняя хаджимэ, последняя, которую мы практиковали с нашими старыми партнерами, вызвала распушенность, "Вы все еще слабы. Вы должны быть более сильными."

У меня случился приступ одышки во время этого упражнения. Неспособный отдышаться я был близок к тому чтобы сдаться. Вены в моем теле безумно пульсировали так, что я чувствовал свои легкие в стальном капкане каждый раз когда напрягался. После урока я испытывал сильное сердцебиение, однако все же обнаружил что могу дышать снова. Спустя несколько недель хрипы, и тому подобные признаки гриппа, исчезли, но краткое появление одышки весьма меня пугало, это казалось похожим на травму мягких тканей или на перелом. Теперь я понял, почему англичанин Ник был столь неприкосновенен, когда у него случалась гипервентиляция. Тренировочная окружающая среда означала, что вы не могли остановиться пока не умерли или не упали в обморок, но не будучи способным дышать вы чувствовали себя ближе к смерти, чем просто вымотанным.

Бешеный Пес так же был несчастлив. "Мне только начало казаться, что я вернул своё "чувство Бешенного Пса," пожаловался он в чайной комнате.

Новые партнеры были объявлены. Я надеялся что мне в пару достанется либо Вилл либо Бэн, и мне достался Бэн. Вилл останется до конца с сумасшедшим армянином, Малышом Ником. Бешеный Пес получил Крэйга и казался совершенно счастливым.

Бэн был под два метра ростом, огромный, размахивающий руками, напоминающими ножки ребенка нежели руки мужчины, и требовал иного подхода, чем остальные партнеры.

Мало того, что мы жили в одной крошечной комнате, теперь мы еще и обучались вместе по пять часов в день, борясь и преднамеренно травмируя друг друга время от времени. Я говорил Мастарду об этих внезапных побуждениях наказывать Бэна ошибочно жестким замком. "Не волнуйся," сказал он, "каждый проходит эту фазу." Реакция Бэна на агрессию состояла в том, чтобы чередовать сопротивление, которое мне понравилось, поскольку служило поводом для того чтобы причинить боль, с чрезвычайной набожностью, поворачивающей щеку для удара при любой возможности, что приводило в бешенство.

Бэн все больше и больше времени проводил вдали от квартиры с его новой подружкой, потомком первых исследователей Японии, престолицей девушкой,

которая также занималась айкидо и ходили слухи, что она уже была лишена невинности разбойником Ага. Это не останавливало Бэна, который был молод и достаточно романтичен, чтобы быть игнорируемым девушкой, которая весьма явно испытывала необходимость иметь парня иностранца, которым Бэн мог быть. Моё собственное смутное недовольство ей только усилилось когда она села небрежно на шаткий унитаз в Фуджи Хайтс, сломала напрочь его крепление и вызвала наводнение нечистот из туалета в кухню.

Толстый Фрэнк починил туалет и сделал это гораздо лучше чем в прошлый год. Но все мы знали, что дни Фуджи Хайтс были сочтены. По окончании курса Бэн должен был вернуться в Мельбурн и в университет после его годовичного отсутствия, в течении которого он прибывал в Японии, Фрэнк планировал уехать вскоре в Австралию с его новой подругой. Крис был нерешителен, но все же говорил об Австралии тоже. Я не переживал о том, что придется покинуть это место, которое было отвратительной дырой даже в лучшие времена, но я терял компанию, я определенно терял свою компанию.

Бэн и Крис посетили Кикучи в больнице. Он был весел, сидя в кровати, и был счастлив видеть их. Он рассказал им, что Накано приходил каждый день, чтобы посетить его и, показав на тонкую вазу с белыми цветами, сказал: "Это от Накано сэнсэй." И лишь ироническая гримаса была единственной реакцией на это, он находил такие посещения человеком, который его преследовал, невыносимыми. То, что Накано должен был посещать свою жертву каждый день, было как часть его публичного раскаяния, независимо от того, что чувствовала жертва от такой заботы.

Позже, когда я рассказал Кристофу об инциденте, он закатил глаза и издавал странные французские звуки симпатии, которые не могут быть переведены без движений вашего тела, пожимающего плечами. "Накано - мачо, испуганный человек. Когда он смотрит в зеркало, оно загрязнено и он не видит самого себя с ясностью. Возможно зеркало необходимо отполировать, не разбив в гневе."

После того, как рука Кикучи была зафиксирована должным образом он возвратился в додзё, нося белую перевязь поверх его доги. Он был как и обычно весьма весел и радостен, но его белая перевязь была особенно велика, как если бы она была нарочным предупреждением для нас. Я истолковал для себя это как знак, который призывал побережь себя в течении заключительных нескольких недель курса.